

Любимчики

Александр ДЕМЬЯНЕНКО: — *Вег. Москва. — 1997. — 30 мая. — с. 8.*

Уже 60, а все равно — Шурик!

Александр Демьяненко собирался быть юристом и об актерской профессии старался не думать, хотя поводы для этого были. Его отец работал режиссером в Свердловском оперном театре, и маленький Саша постоянно крутился возле него. Затем появились первые роли в местном Доме пионеров. Но в один прекрасный день все это вдруг показалось несерьезным, и Демьяненко поступил в Свердловский юридический институт. Может, так и не узнали бы о нем миллионы кинозрителей, если бы не случай. В город приехала приемная комиссия прославленного МХАТа. Александр рискнул держать экзамен, но результат оказался неудачным. Молодой человек не отчаялся и на следующий год вместе с другими воспитанниками драмкружков, среди которых были Альберт Филозов и Юрий Гребенщиков, отправился в Москву. Вскоре пришла телеграмма: «Победа! Принят ГИТИС и Щукинское. Остаюсь ГИТИСе».

С этой истории началась творческая биография замечательного актера Александра Демьяненко, которому 30 мая исполняется 60 лет.

— Александр Сергеевич, вы можете выделить из всех своих киноролей самые любимые, самые дорогие?

— Бесспорно, самый любимый фильм «Мир входящему». А из актерских работ наиболее дорог Илья Сохатых в «Угрюм-реке». Ну и, очевидно, Шурик. Теперь уже можно рассуждать объективно. Такой успех у зрителей, что рядом даже поставить нечего! И обратите внимание: люди до сих пор смотрят фильмы Леонида Гайдая и получают удовольствие.

— А были у вас в юности кумиры?

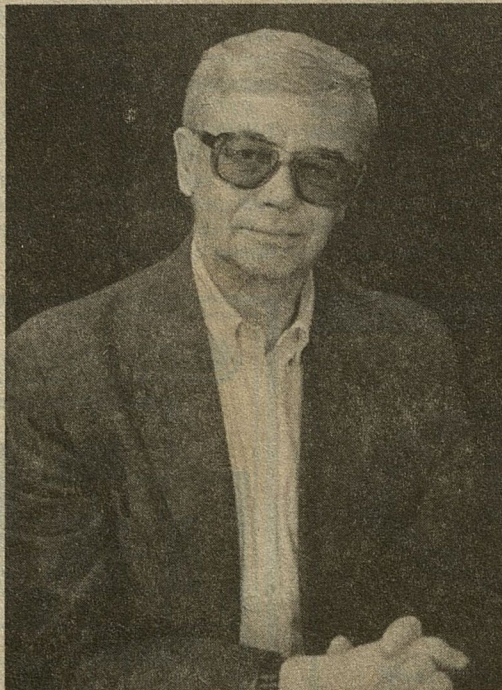
— Конечно, были. Это в первую очередь Евгений Евстигнеев. Стопроцентный артист! Мы снимались с ним в «Сотруднике ЧК» и «Приваловских миллионах». Я считаю его актером номер один в нашем кинематографе. Великим был и Павел Луспекаев. Мы жили в Ленинграде с ним рядом, дружили, снимались вместе. Ну и, конечно, мхатовские старики. Вот образцы для подражания и на сцене, и на экране! Особенно Грибов, которого я очень любил.

— На первых порах вы не отдавали предпочтение какому-либо жанру, амплуа?

— Нет. По молодости ведь как что прочитаешь, то и хочется сыграть: Пер Гюнта, Хлестакова... Конечно, больше привлекали характерные роли.

— Но как раз первые ваши роли были не характерными, а героическими. Причем вы открыли новый тип — героя-интеллигента, которого тогда вроде как и не было, — в «Ветере», «Все начинается с дороги».

— Да, потом только пошла серия очкариков, сильных духом. Но это, в первую очередь, заслуга режиссеров Алова и Наумова. Они создали этот образ. И мне было очень интересно сниматься в таких ролях. Тем более что «Ветер» вообще мой первый фильм. А потом меня стала немного пугать однотипность предлагаемых ролей.

— И вдруг — резкий переход к эксцентризму. Началась полоса комедийная...

— Как ни парадоксально, работать в комедиях мне было неинтересно. Ну что это: бегаешь туда-сюда! Мне бы чего-нибудь серьезное... Но я тогда не осознавал, насколько важен этот шанс. Все слишком легко и просто давалось в то время. Сейчас-то я понимаю, что Шурик затмил все остальные роли, как бы хорошо они ни были сыграны.

— Не жалеете?

— Нет. Это судьба так выстроилась, жаль — не жаль.

— Вы сказали, что Шурик дался вам очень легко. Были и сложные работы?

— Да, например в фильме «Журавль в небе», где я играл колхозного шофера. Очень тяжело было сниматься. Может, образ был слишком далек от меня, может, я просто не мог понять его. Не знаю. Бывают такие случаи. Иногда их можно преодолеть, вкладывая упорство, огромные усилия. А некоторые вещи так и «не подпускают» к себе.

— Если на съемочной площадке складывается легкая, веселая атмосфера, розыгрышами не увлекаетесь?

— Практически нет. Ну испортишь дубль. На репетиции пошутить можно, а пленку портить не хорошо. Тем более в комедиях, где все намного серьезнее.

— Неужели все так серьезно? У Гайдая же принимались любые трюки, находки и актер-

ские выдумки.

— Это было, но все обсуждалось до съемок. А про выдумки что я могу сказать о себе, если рядом работал Юрий Никулин, сыпавший трюками, как из рога изобилия. И Гайдай действительно это очень ценил и принимал многие предложения. Причем каждый трюк он проделывал сначала сам, потом уже просил актера.

— Александр Сергеевич, вы окончили ГИТИС, год проработали в Московском драмтеатре, а потом уехали в Ленинград. Почему?

— Это чисто бытовой момент. У меня не было жилья, а в то время с пропиской было сложно, и милиция теребила нас постоянно. А тут директор «Ленфильма» предложил мне переехать в Ленинград, пообещал квартиру. Я, конечно, согласился.

— В театре не тянуло?

— Тянуло. Однажды пришел в Театр комедии, играл в нескольких спектаклях. А недавно там сменился главный режиссер — пришла женщина, у которой свои планы, и я в них не вхожу. Играю в театре «Приют комедиантов», спектакль «Владимирская площадь».

— Зато вы много работали на телевидении. Я очень люблю ваши телеспектакли.

— Да, Петербургское телевидение иногда подбрасывает интересные работы. «Кумир» Дюрренматта, «Чародейская ночь» Мрожека, «До самой сути» и «Семь крестиков в записной книжке» Сименона — все это постановки замечательного режиссера Владимира Геллера. Пожалуй, это самое приятное, что я сделал за последние годы.

— Что, отказываетесь от предложений?

— Нет. С работой сейчас сложно. Мои коллеги по «Ленфильму» работают где: охранниками, гидами, в сфере питания... Так что тут не до отказов. Спасибо, подвернулась «Клубничка». Пусть не всегда она доставляет удовольствие, ведь и материал довольно сырой, и сроки кратчайшие, но иногда увидишь, как на просмотре люди в аппаратной смеются, и начинаешь надеяться, что зрителям понравится.

— Вам не мешают узнаваемость, внимание поклонников?

— До сих пор (хотя я со временем стал совсем другим человеком) меня воспринимают как Шурика. Мне уже 60, а все равно — Шурик! По молодости, конечно, я дико раздражался, испытывал массу неудобств, дискомфорт. А сейчас думаю: «Ну и ладно». Люди, видя меня, вспоминают любимые фильмы, улыбаются, а значит, точку улучшают свое настроение.

— Александр Сергеевич, осталось ли у вас что-то несмысленное, недосказанное?

— Наверное, осталось. Но я уже ни о чем не мечтаю. Все фантазии — позади. Выбирать не из чего. Конечно, какие-то вещи я еще мог бы сыграть, так ведь это не от меня зависит. Будем довольствоваться тем, что даст судьба.

Беседовал Сергей КАПКОВ